

Трое вне игры

Приглашение к убийству

ГЛАВА 1

Опрятно одетый крошечный человечек обиделся. Он явно был задет.

— Нет, сэр! — запротестовал он. — Ошибаетесь! Это отнюдь не мелочные семейные дразги, как вы позволили себе выразиться. Разве я не имею вполне законного права интересоваться всем, что так или иначе влияет на судьбу состояния, нажитого моим отцом?

Не обладая и половиной того веса, которым природа наделила Ниро Вулфа, человечек совсем утонул в недрах красного кожаного кресла, стоявшего в трех шагах от стола великого сыщика. Сам Вулф, удобно заполнив необъятных размеров кресло позади стола, мрачно разглядывал предполагаемого клиента — господина Германа Луэнта, жителя Нью-Йорка и Парижа. Что касается меня, то, сидя с блокнотом и ручкой наготове, я сохранял нейтралитет, так как вечером — это была пятница — собирался пойти на свидание, а окажись дело срочным и согласись мы за него взяться — прощай, выходной!

Вулф, как всегда, когда его о чем-нибудь упрашивали, пребывал в смятении. Он терпеть не мог работать, но любил есть и пить, а его обширное хозяйство в старом особняке из бурого песчаника на Западной Тридцать пятой улице, включая орхидеи в оранжерее на крыше, требовало непомерных финансовых затрат. Единственным источником средств к существованию служил доход частного детектива, и как раз сейчас на краю его

стола лежала пачка купюр. Положивший ее туда Герман Луэнт утверждал, что это тысяча долларов.

— Откуда у вас такое право? — спросил ненавидящий работу и все еще пребывающий в смятении Вулф.

Мистер Луэнт был человеком миниатюрным. Щуплый, низенький, с маленькими ручками и ножками, с тощим лицом, на котором виднелся сжатый в точку совершенно безгубый рот, он, очевидно, уже вступил в тот возраст, когда начинают сморщиваться и усыхать. Однако на слабака он не походил. Заглянув в его проворные маленькие серые глазки, вы понимали, что этому человеку были известны ответы на многие и многие вопросы и что даже по поводу тех, ответы на которые он не знал, он мог высказать весьма разумные догадки.

Он все еще злился на Вулфа, хотя старался этого не показывать.

— Я решил обратиться к вам, — начал Луэнт, — поскольку мое дело требует очень деликатного подхода, и лишь сочетание достоинств таких двух мастеров, как вы и мистер Гудвин, позволит в нем разобраться. Поэтому я готов терпеть ваши грубости. Необходимое мне расследование абсолютно законно, ибо состояние, о котором идет речь, было нажито моим отцом. Он владел медными рудниками. Моя мать умерла, когда я еще лежал в колыбели, поэтому некому было научить меня, как следует себя вести. Никто и никогда не пытался этого делать, а теперь, видимо, учиться уже поздно. Несколько месяцев назад я содержал трех любовниц: в Париже, Тулузе и Риме, и одна из них попыталась меня отравить.

Я внимательно оглядел его и решил отныне не верить ни единому его слову. Просто не та у него была комплекция.

— Теперь я немного остепенился, — продолжал он, — годы берут свое, но в молодости славился ветреностью. Отец этого не одобрял и в конце концов отказался ви-

деться со мной, не давая, правда, умереть с голоду. Он был достаточно щедр. Отойдя в мир иной двадцать лет назад — мне тогда стукнуло тридцать шесть, — он завещал все свое состояние моей сестре Берил с просьбой не оставлять без внимания мои нужды. Она следовала его воле в точности, пока год назад не скончалась сама. В тот момент я был за границей, где живу большую часть времени, но, конечно же, прилетел на ее похороны.

Он пожал плечами, как француз, во всяком случае не как американец.

— Из миллионов, унаследованных Берил от нашего отца, она не оставила мне ничего. Ни цента, ни су. Она завещала их своему мужу Теодору Хаку с просьбой не забывать о моих нуждах, записанной точь-в-точь как в завещании отца. В отличие от меня, сестра всегда его слушалась. Я предложил Хаку, что было бы куда проще перевести сразу часть состояния — скажем, миллион или хотя бы пятьсот тысяч — на меня, но он ответил, что придерживается иного мнения. Он заявил, что считает своим долгом неукоснительно следовать последней воле Берил, и согласился выплачивать мне ту же сумму, какую на протяжении предшествующих двух лет выплачивала она, то есть тысячу долларов в месяц. И тут я не сделал того, что мне надлежало сделать в создавшейся ситуации...

Он умолк, ожидая вопроса, и Вулф послушно его задал:

— Что же вам надлежало сделать?

— Убить его. Он сидел в кресле-каталке — у Хака больные ноги, и он не может ходить, — сидел в доме моего отца как хозяин и говорил, что будет высылать мне тысячу долларов в месяц из отцовского состояния. Это было приглашением к убийству. Ведь убей я его со всеми необходимыми предосторожностями, и, согласно завещанию сестры, мне был бы обеспечен пожизнен-

ный годовой доход в сорок тысяч долларов. Признаться, подобная мысль посетила меня, но, увы, я совершенно не гожусь ни для каких рискованных предприятий, и пусть я так и не научился себя вести, мой инстинкт самосохранения необычайно развит. — Он пошевелил маленькой ручкой. — Именно он, инстинкт самосохранения, и привел меня к вам. Если по какой-либо причине Теодор Хак, эта тварь в кресле-каталке, перестанет принимать во внимание мои нужды, я умру с голоду. Я не способен зарабатывать на жизнь. Потому-то, получив в Париже предупреждение о грозящей опасности, я немедленно купил билет на самолет и примчался в Нью-Йорк. Мой зять радушно принял меня в доме моего отца. Чертовски благородно с его стороны! И я тут уже почти две недели, и я в совершеннейшем тупике. Дело в том, что в доме постоянно находятся три женщины... — Внезапно он умолк, нацелил на меня маленькие серые глазки, затем перевел их на Вулфа и произнес: — Это конфиденциально.

— Как и все, что обсуждается в стенах моего кабинета, — кивнул Вулф. — Смелее, сэр.

— Что ж, хорошо. — Луэнт сморщил крошечный ротик, отчего тот сделался еще меньше, и пожал плечами. — Есть все основания полагать, что полученное мной предостережение имеет реальную почву. В доме Хака, помимо повара и прислуги, постоянно находятся три женщины: миссис Касси О'Ши, экономка, вдова; мисс Сильвия Марси, сиделка, и мисс Дороти Рифф, так называемая секретарша. Они все имеют на него виды, и похоже, что одной в этом плане удалось преуспеть больше, нежели остальным. Беда в том, что я не знаю и не могу узнать, какой именно. Понимаете, я давно отыскал формулу, как ладить с женщинами, но в данном случае не имею возможности ею воспользоваться. И я в замешательстве. Надо как можно скорее выяснить, какая из этих трех особ поймала на крючок моего зятя.

— И тогда вы вмешаетесь? Со своей формулой? — Вулф хмыкнул.

— Боже упаси! — испугался Луэнт. — Это слишком обременительно, требует массы времени, к тому же вскоре появится новая претендентка. А я планировал вернуться в Европу до Рождества. Мне просто надо завоевать ее симпатию, заручиться ее благосклонностью. Я хочу быть уверен, что, женив на себе Хака, она сохранит хорошее ко мне расположение. Потребуется три недели, если речь идет о мисс Марси или мисс Рифф, и четыре, если это миссис О'Ши. Видите, тут далеко не мелочные семейные дразги, а совершенно законное расследование.

— Предположим, — согласился Вулф. — Но это фантастика.

— Вовсе нет. Это вполне осуществимо и чрезвычайно важно. Благополучие всей моей жизни целиком зависит от доброй воли Теодора Хака. Если он женится, да еще на женщине значительно моложе себя, как долго я смогу тогда пользоваться его благосклонностью, дающей мне двенадцать тысяч долларов в год, если его жена будет настроена против меня?

Вулф запыхтел:

— Что конкретно вы от меня хотите?

— Как можно скорее выяснить, какая из трех женщин запустила когти в Теодора Хака. Эта тысяча долларов, — Луэнт указал на лежащую на столе Вулфа пачку купюр, — ваша как в случае успеха, так и в случае неудачи. Однако она должна полностью покрыть следственные расходы, ибо в сложившейся ситуации представляет собой тот максимум, который я готов заплатить. Вероятно, мое дело покажется не заслуживающим особого внимания, но, поскольку вы никогда не покидаете дом по делам, оно не потребует от вас много времени и усилий. Основная часть работы будет выполнена мистером Гудвином, все равно получающим

у вас жалованье, а накладные расходы выйдут ничтожными: оплата такси отсюда до дома моего отца на Шестидесятой девятой улице, ныне принадлежащего Хаку, и обратно. Я слышан о способностях и отваге мистера Гудвина и вполне допускаю, что одного дня, одной поездки ему окажется достаточно. Не без консультации с вами, разумеется. Он может отправиться со мной прямо сейчас.

Я не расцеловал его. Да, я люблю комплименты, пусть они даже несколько прямолинейны, но, во-первых, давно научился вести себя в подобных обстоятельствах, а во-вторых, на вечер у меня было назначено свидание.

Мрачные складки на лице Вулфа слегка разгладились.

— Вы сказали, что получили предостережение. От кого?

— От Пола Таера, племянника Хака. Таер квартирует у него в доме. Он такой же не приспособленный к жизни, как и я: целыми днями сочиняет музыку, которую никто никогда не будет слушать. Таер лелеет надежду унаследовать от Хака часть состояния моего отца и поэтому, обеспокоившись, сразу написал мне.

— Что же его обеспокоило?

— Множество мелких деталей и один существенный факт. Не так давно к Хаку приходил человек с коробками от Тиффани, и Хак провел с ним в кабинете почти час. Это могло означать только одно: он покупал какие-то драгоценности для женщины — одной из трех перечисленных.

— Почему? Разве не существует других?

— Для Хака не существует, — покачал головой Луэнт. — Он прикован к креслу-каталке и с тех пор, как умерла моя сестра, выбирался из дому не больше двух или трех раз. Женщины его не посещают. Это должна быть одна из трех. Вы удивитесь, почему мы с Полом сами не выясним, какая именно. Но все не так-то просто.

Мы видим Хака крайне редко, он даже пищу принимает в своей комнате или в кабинете. Пол, конечно, пробовавал что-то нащупать, да и я предпринял несколько незначительных шагов в этом направлении, но дело, сами понимаете, деликатное...

— Подружитесь со всеми тремя.

— Невозможно. Они слишком ревнуют друг к другу.

— Тогда дождитесь, когда одна из них наденет подарок от Тиффани. Тут уж все станет ясно.

— В том числе и с мотивами, которыми я руководствуюсь. Что-что, а глупыми их не назовешь.

— Но ведь столь же ясным это станет и после того, как мистер Гудвин выведет соблазнительницу на чистую воду, — возразил Вулф. — Не без консультации со мной, разумеется.

— Но речь не идет о том, чтобы выводить кого-то на чистую воду! Отнюдь! — От волнения Луэнт даже съехал с гладкого кожаного сиденья. — Господи, неужели так сложно провести расследование, не посвящая никого в его истинные цели?! Поймите, я не смогу привести Гудвина в дом, чтобы он допрашивал девушек касательно их отношений с Хаком, даже если захочу. Это дом моего отца, но хозяин в нем Хак. Нам придется воспользоваться какой-то уловкой, особенно для того, чтобы предоставить Гудвину случай побеседовать с самим Хаком. Например...

Он был прерван неожиданным звуком, раздавшимся со стороны Вулфа, — наполовину рычанием, наполовину урчанием. Звук для этого и предназначался.

Маленькие серые глазки Луэнта раскрылись в испуге и недоумении.

— Что-то не так?

— Пф! — произнес Вулф с легким отвращением. — Допускаю, я мог бы поинтересоваться любовными планами состоятельного вдовца, если бы находился в стесненных обстоятельствах, а наживка была впечатляющей.

Но при существующем раскладе вы напрасно тратите свое время. И мое тоже. До свидания, сэръ.

Это прозвучало окончательно и бесповоротно. Маленький сморщенный ротик Луэнта задвигался из стороны в сторону.

— Вы хотите сказать, что отказываетесь взяться за дело?

— Совершенно верно.

— Я так и думал, но решил все же попробовать. — Он соединил пальцы обеих рук. — Ладно, попытаемся иначе. Но это конфиденциально.

— Вы уже говорили.

— Знаю, но тут дело другое. Моя сестра умерла здесь, в Нью-Йорке, в доме моего отца, от отравления птомаином, продуктом гниения, содержавшимся в съеденной ею пище. Хак послал мне в Париж телеграмму, и я прилетел на ее похороны. По данному поводу у меня никогда не возникло бы никаких подозрений, не случись две вещи. Во-первых, Оделетт, моя тулузская любовница, обезумев от ревности, попыталась меня отравить, тем самым продемонстрировав, что убийство может совершить кто угодно, был бы мотив достаточно серьезным; и во-вторых, я получил от Пола Таера предупреждение, что Хака охмурила одна из живущих в доме женщин. Это заставило меня задуматься, и я отправился в библиотеку, где внимательно изучил статью о птомаине. Все три женщины непосредственно присутствовали при том, как отравилась моя сестра, и я уверен, что одна из них приложила к этому руку.

— На основании каких улик вы так считаете?

— У меня их нет. Вероятно, она уже тогда приворожила Хака или же думала, что это лишь вопрос времени. Проведенные здесь две недели только укрепили мою уверенность. Но что я мог сделать? Я даже не осмеливался кого-либо о чем-либо расспросить. В полиции надо мной попросту посмеялись бы. И тут я, естествен-

но, подумал о вас, но самое большое, что смог наскрести, — тысяча долларов. Для вас это гроши, поэтому я решил попробовать уговорить вас взяться за дело, не упоминая об убийстве, а лишь рассказав о конкретной цели расследования... Что ж, теперь вы знаете все. — Он рубанул воздух рукой. — Я хочу остановить ее! И надеюсь, что смогу этого добиться, выяснив, кто она.

— Как же вы ее остановите, не имея улики?

— Не важно. Это уже мое дело. Только бы удалось узнать ее имя. Для достижения своей абсолютно законной цели я готов заплатить авансом тысячу долларов в качестве компенсации за время и усилия мистера Гудвина плюс ваша консультация. Итак, десять часов Гудвина и десять минут ваших. Пусть меньше. Сколько бы ни было, я хочу их купить.

Внезапно Вулф отъехал на своем кресле от стола и поднялся.

— Мне нужно сделать важный телефонный звонок, — пояснил он Луэнту. — Оставляю вас с мистером Гудвином. Поскольку, как вы говорите, вся работа будет выполнена им, мое присутствие не потребуется даже для того, чтобы решить, браться за нее или нет.

Он пересек комнату и вышел в прихожую, однако все не потому, что хотел позвонить. Не желая отказываться от денег, но и не рискуя взваливать на свои плечи вину за мой испорченный во имя презренной тысячи долларов выходной, он решил оставить последнее слово за мной. Теперь он пойдет на кухню, откроет бутылку пива и будет высказывать Фрицу пожелания относительно приготовления ланча. А я... я влип. Если теперь выпроводить Луэнта за дверь, то пройдут месяцы, прежде чем я смогу вновь раскрыть рот, чтобы упрекнуть Вулфа за отказ от предлагаемой работы. Поэтому я взял небольшую пачку купюр, которую маленький человек положил на стол Вулфа, пересчитал и удостоверился, что в ней двадцать штук по пятьдесят долларов.

— Ладно, — сказал я ему. — Я напишу вам расписку. Полагаю, что прежде всего нам следует обсудить способ, с помощью которого мы собираемся найти подход к Хаку. Вы согласны?

Он был согласен.

ГЛАВА 2

Хотя фасад некогда принадлежавшего отцу Луэнта гранитного особняка на Шестьдесят девятой улице между Пятой и Мэдисон-авеню не мыли, наверное, с тех самых пор, как маленький Герман родился там в далеком XIX веке, внутри дома, несомненно, произошли изменения. Автоматический лифт был просторным и современным, и я без труда догадался, что его установили уже после того, как нынешний владелец этих хором оказался прикованным к креслу-каталке по причине болезни артерий.

Луэнт потребовал отложить военные действия, пока Теодор Хак не закончит ланч. Когда мы наконец добрались до места и были впущены в дом женщиной-гренадером, которая легко могла бы поместить Германа в кармане своего передника, часы показывали уже начало третьего. Но я все еще надеялся, что изловчусь заработать тысячу за оставшуюся часть дня и сумею спасти выходной. Поэтому, когда гренадерша взяла у нас шляпы, я не стал тратить время на разглядывание роскошного огромного холла, а направился следом за Луэнтом к лифту. Мы поднялись на этаж и повернули направо по коридору, который был несколько уже, но длиннее, чем нижний. Меня удивила толщина ковров в доме, хозяин которого передвигался в кресле-каталке.

Удивление возросло еще больше, когда мы вошли в расположенную в задней части дома просторную комнату с высокими потолками и я увидел это кресло-ка-

талку. Его сиденье показалось бы довольно широким даже для Ниро Вулфа. По бокам располагались всевозможные полочки, подносы и отделеньица. Сзади внизу находился мотор. Люминесцентная лампа, прикрепленная слева к спинке кресла, освещала страницы журнала, лежавшего на коленях хозяина.

— Это мистер Гудвин, я говорил вам о нем, — сказал Луэнт, развернулся и вышел.

Теодор Хак не произнес ни слова. Бросив журнал на стоявший рядом столик, он нажал какую-то кнопку, и подножка кресла стала плавно подниматься вверх, пока его ноги, укрытые шотландским пледом, не выпрямились горизонтально. Он нажал другую кнопку, и спинка кресла подалась назад. Теперь Хак полулежал. Он нажал третью кнопку, и его ноги начали довольно резко перемещаться из стороны в сторону. Он закрыл глаза.

Я опустил на стул и бегло осмотрел комнату, служившую ему кабинетом. Стены были обшиты старинными дубовыми панелями. Дорогие картины и множество книг. Я взглянул на Хака. Верхняя часть тела для человека его возраста была идеальной: сужающийся к талии торс, широкие плечи, черты лица пропорциональные, правильные, довольно густые, некогда темные, а теперь в основном седые волосы. Он лежал так, с ногами, болтающимися из стороны в сторону на качающейся раме, добрых пять минут, и я смог как следует его разглядеть.

Наконец движения прекратились, Хак снова нажал кнопки — ноги опустились, торс поднялся — и подтянул край шотландского пледа до пояса. Он смотрел на меня, но я не мог встретиться с ним взглядом, потому что его глаза, похоже, были уставлены в точку, находившуюся на фут ниже моего подбородка.

— Я проделываю эти упражнения шестнадцать раз в день, — сказал он. — Каждый час, если не сплю. И зна-

ете, помогает. Год назад я едва мог стоять, а теперь уже способен сделать пять-шесть шагов. Ваша фамилия Гудвин?

— Совершенно верно.

— Мой шурин передал, что вы хотели со мной встретиться.

— Не совсем так, ну да ладно, — кивнул я. — Это он хотел, чтобы я встретился с вами. Меня зовут Арчи Гудвин, я работаю у Ниро Вулфа, частного сыщика, и ваш...

— А! Так вы тот самый Гудвин?

— Именно. Ваш шурин обратился к нам за помощью. Он утверждает, что его сестра...

Дверь по правую руку открылась, и в комнату мелкими шажками вошла молодая женщина моего возраста с бумагами в руках. Светловолосая, с серо-зелеными глазами. В ней, как в творении мастера, не было ни единого изъяна, по крайней мере на первый взгляд. Остановившись на полпути к креслу-каталке, она спросила:

— Мистер Хак, вы подпишете письма сейчас?

— Позже, мисс Рифф. — Его голос был несколько жестковат. — Сейчас у меня дела.

— Но вы говорили... Я думала, что вы, вероятно...

— Это не к спеху.

— Хорошо. Извините, если помешала.

Она вышла, затворив за собой дверь так осторожно, что не произвела никакого шума.

— Это Дороти Рифф? — спросил я Хака.

— Да. А что?

— Я как раз начал вам рассказывать. Мистер Луэнт утверждает, будто его сестра пообещала, что в случае ее смерти он получит значительную денежную сумму. Это произошло приблизительно за год до ее кончины, и он не верит, что сестра могла не сдержать слова и не оставить соответствующих распоряжений.

Хак покачал головой:

— Он присутствовал при чтении ее завещания и сам его видел.

— По словам Луэнта, сестра не собиралась помещать в завещание такой пункт, ибо это явилось бы нарушением воли ее отца. Он считает, что, скорее всего, она передала упомянутую сумму кому-то на хранение — не вам, конечно, так как вы выполнили бы ее указания сразу и в точности. Он подозревает, что это могла быть мисс Рифф, или мисс Марси, или миссис О'Ши, и хочет, чтобы мистер Вулф провел по данному поводу небольшое расследование. Но оно допустимо, по его словам, лишь с вашего ведома и согласия, потому-то мистер Луэнт и попросил вас принять меня. Мистер Вулф...

Распахнулась другая дверь — та, через которую мы с Луэнтом входили в комнату, — и к нам присоединилась еще одна особа женского пола. С виду она была несколько моложе Дороти Рифф, хотя я легко мог ошибиться, столь выгодно одежда медсестры оттеняла ее большие карие глаза и темно-каштановые волосы. Не останавливаясь и ни о чем не спрашивая, она подошла к шкафчику, достала стакан, бутылку двадцатилетнего шотландского виски «Солуэй» с полосатой этикеткой, флакон с каким-то лекарством, налила одну унцию из бутылки и две унции из флакона в стакан, после чего подала стакан Хаку.

— Все в порядке? — спросила она низким воркующим голосом.

— Замечательно.

— Ваше упражнение в два тридцать?

— Сделано.

Она удалилась, стрельнув в меня коротким быстрым взглядом. Когда дверь за ней закрылась, Хак сказал:

— Я принимаю это лекарство каждые два часа. Кстати, не хотите ли отведать его сами?

Содержание

ТРОЕ ВНЕ ИГРЫ

Приглашение к убийству. *Перевод М. Гресько* 7

Без улик. *Перевод Д. Попова* 76

Это вас не убьет. *Перевод Н. Вуля* 145

ЧЕРНАЯ ГОРА

Перевод А. Санина и Т. Даниловой 215

Стаут Р.

С 78 Трое вне игры. Черная гора : повести, роман / Рекс Стаут ; пер. с англ. А. Санина, Т. Даниловой, М. Гресько и др. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 416 с. — (Звезды классического детектива).

ISBN 978-5-389-22016-4

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью.

Убивают Марко Вукчича, старинного друга Ниро Вулфа. Затем гибнет приемная дочь Вулфа. Все следы ведут в Черногорию. Вместе с Арчи Гудвином Вулф нелегально отправляется в страну, где прошли его детство и юность. Знаменитый сыщик-домосед путешествует по горам пешком и ночует в стоге сена, но мужественно преодолевает все встающие на его пути препятствия...

Кроме романа «Черная гора», в сборник вошли еще три повести, в которых Вулф расследует запутанные дела, раскрывает дерзкие преступления и в очередной раз доказывает, что полицейские, как всегда, поспешили с выводами.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

РЕКС СТАУТ
ТРОЕ ВНЕ ИГРЫ
♦
ЧЕРНАЯ ГОРА

Ответственный редактор Ольга Рейнгерц
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Анастасии Келле-Пелле
Корректоры Светлана Федорова, Елена Терскова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 18.10.2022. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 18,33.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-MCD-30980-01-R